...чаяхъ даже по постановленію самихъ вѣрующихъ. Безбожники въ СССР организованы въ частное общество, и поэтому ихъ требованія въ области закрытія церквей правительственные органы отнюдь не считаютъ для себя обязательными.

Вопросъ. — Вѣрно ли, что священнослужители и вѣрующіе подвергаются репрессіямъ за свои религіозныя убѣжденія, арестовываются, высылаются и т. д.?

Отвѣтъ. — Репрессіи, осуществляемыя совѣтскимъ правительствомъ въ отношеніи вѣрующихъ и священнослужителей примѣняются къ нимъ отнюдь не за ихъ религіозныя убѣжденія, а въ общемъ порядкѣ, какъ и къ другимъ гражданамъ за разныя противоправительственныя дѣянія. Надо сказать, что несчастье церкви состоитъ въ томъ, что она въ прошломъ, какъ это всѣмъ хорошо извѣстно, слишкомъ срослась съ монархическимъ строемъ. Поэтому церковные круги не смогли своевременно оцѣнить всего значенія совершившагося великаго соціальнаго переворота и долгое время вели себя, какъ открытые враги совласти (при Колчакѣ, при Деникинѣ и пр.). Лучшіе умы церкви, какъ, напримѣръ, патріархъ Тихонъ, поняли это и старались исправить создавшееся положеніе, рекомендуя своимъ послѣдователямъ не идти противъ воли народа и быть лойяльными къ совѣтскому правительству. Къ сожалѣнію, даже до сего времени нѣкоторые изъ насъ не могутъ понять, что къ старому нѣтъ возврата, и продолжаютъ вести себя, какъ политическіе противники совѣтскаго государства.

Вопросъ. — Допускается ли въ СССР свобода религіозной пропаганды?

Отвѣтъ. — Священнослужителямъ не прещается отправленіе религіозныхъ службъ и произнесеніе проповѣдей (только, къ сожалѣнію, мы сами подчасъ не особенно усердствуемъ въ этомъ). Допускается даже преподаваніе вѣроученія лицамъ, достигшимъ совершеннолѣтія.

Вопросъ. — Соотвѣтствуютъ ли дѣйствительности свѣдѣнія, помѣщаемыя въ заграничной прессѣ относительно жестокостей, чинимыхъ агентами совласти по отношенію къ отдѣльнымъ священнослужителямъ (напримѣръ, «Морнингъ Постъ» отъ 20 декабря 1929 г. и 4 февраля 1930 г.)?

Отвѣтъ — Ни въ какой степени эти свѣдѣнія не отвѣчаютъ дѣйствительности. Все это — сплошной вымыселъ, клевета, совершенно недостойная серьезныхъ людей. Къ отвѣтственности привлекаются отдѣльные священнослужители не за религіозную дѣятельность, а по обвиненію

...вѣры и нашъ было бы для насъ унизительнымъ и налагало бы на насъ большія моральныя, а можетъ быть даже и политическія обязательства и связывало бы насъ въ нашей религіозной дѣятельности.

Вопросъ. — Были ли случаи вынесенія смертныхъ приговоровъ священнослужителямъ за неуплату налоговъ?

Отвѣтъ. — Такіе случаи намъ неизвѣстны. Были случаи наложенія на служителей культа штрафовъ за неуплату налоговъ.

Вопросъ. — Каково теперешнее положеніе церкви?

Отвѣтъ. — Теперешнее положеніе церкви значительно разнится отъ прежняго. Сейчасъ, благодаря тому, что хозяйство страны претерпѣваетъ коренныя измѣненія, сводящіяся къ смѣнѣ старыхъ формъ хозяйствованія новыми (коллективизація сельскаго хозяйства, индустріализація всей страны), происходитъ ухудшеніе положенія церкви. Но мы не теряемъ надежды на то, что и при новомъ хозяйственномъ строительствѣ вѣра останется и церковь Христова будетъ и дальше существовать.

Вопросъ. — Существуютъ ли въ СССР пастырскія, богословскія и т. п. школы?

Отвѣтъ. — Да, въ Москвѣ до сихъ поръ существуетъ богословская академія у обновленцевъ. Если же у насъ теперь академіи нѣтъ, то это происходитъ прежде всего въ силу отсутствія достаточныхъ матеріальныхъ средствъ для этой цѣли, и къ тому же мы считаемъ теперь наиболѣе цѣлесообразной персональную подготовку отдѣльныхъ лицъ, чувствующихъ призваніе къ служенію церковному.

Вопросъ. — Какъ вы относитесь къ недавнему обращенію папы римскаго?

Отвѣтъ. — Считаемъ необходимымъ указать, что насъ крайне удивляетъ недавнее обращеніе папы римскаго противъ совѣтской власти. Папа римскій считаетъ себя «намѣстникомъ Христа», но Христосъ пострадалъ за угнетенныхъ и обездоленныхъ, между тѣмъ, какъ папа римскій въ своемъ обращеніи оказался въ одномъ лагерѣ съ англійскими помѣщиками и франко-итальянскими толстосумами. Христосъ такъ не поступилъ бы. Онъ заклеймилъ бы такое отступленіе отъ христіанскаго пути.

Тѣмъ болѣе странно слышать изъ устъ главы католической церкви обвиненія въ гоненіяхъ на иновѣрующихъ, что вся исторія католической церкви есть непрерывная цѣпь гоненій на иновѣрующихъ, вплоть до пытокъ и сожженія ихъ на кострахъ. Намъ кажется, что папа римскій въ данномъ случаѣ идетъ по стопамъ старыхъ традицій католической церкви, натравливая свою паству на нашу страну и тѣмъ поджигая костеръ для подготовки войны противъ народовъ СССР.

Мы считаемъ излишнимъ и ненужнымъ это выступленіе папы римскаго, въ которомъ мы, православные, совершенно не нуждаемся. Мы сами можетъ защищать нашу православную церковь. У папы есть давнишняя мечта окатоличить нашу церковь, которая, будучи всегда твердой въ своихъ отношеніяхъ къ католицизму, какъ къ ложному ученію, никогда не сможетъ связать себя съ нимъ какими бы то ни было отношеніями.

На дняхъ нами будетъ издано спеціальное обращеніе къ вѣрующимъ съ указаніемъ на новыя попытки папы римскаго насадить среди православныхъ христіанъ католицизмъ совершенно непозволительными путями, къ какимъ прибѣгаетъ папа.

Вопросъ. — Какъ вы относитесь къ выступленію архіепископа Кентерберійскаго на кентерберійскомъ церковномъ соборѣ?

Отвѣтъ. — Намъ кажется вообще страннымъ и подозрительнымъ внезапное выступленіе цѣлаго сонма главъ разнаго рода церквей — въ Италіи, во Франціи, въ Германіи, въ Англіи въ «защиту» православной церкви. Внезапный необъяснимый порывъ «дружескихъ» чувствъ къ православной церкви обычныхъ противниковъ православія невольно наводитъ на мысль, что дѣло тутъ не въ защитѣ православной церкви, а въ преслѣдованіи какихъ то земныхъ цѣлей. Мы не беремся объяснить какія это земныя цѣли, но что онѣ имѣютъ мало общаго съ духовными запросами вѣрующихъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Что касается въ частности выступленія архіепископа Кентерберійскаго, то оно грѣшитъ той же неправдой насчетъ якобы преслѣдованій въ СССР религіозныхъ убѣжденій, какъ и выступленіе римскаго папы. Трудящіеся люди Лондона расцѣниваютъ выступленіе архіепископа Кентерберійскаго, какъ выступленіе, «пахнущее нефтью». Намъ кажется, что оно если не пахнетъ нефтью, то, во всякомъ случаѣ, пахнетъ подталкиваніемъ паствы на новую интервенцію, отъ которой такъ много пострадала Россія.

Сергій, Митрополитъ Нижегородскій.
Серафимъ, Митрополитъ Саратовскій.
Алексій, Архіепископъ Хутынскій.
Филиппъ, Архіепископъ Звенигородскій.
Питиримъ, Епископъ Орѣхово-Зуевскій.

15 февраля 1930 г.

На скамьѣ подсудимыхъ — 25 чел. По дѣлу вызвано 60 свидѣтелей. Подсудимые обвиняются въ томъ, что **въ моментъ, когда требовалась срочная переброска войскъ къ дальневосточной границѣ, когда хлѣбные грузы требовалось срочно доставить въ промышленный центръ они умышленно, систематически ломали машины, пускали паровозы подъ откосъ. Всего вреди-**

...троцкистъ, который съ группой другихъ троцкистовъ использовалъ ошибки администраціи и партійныхъ органовъ для своего гнуснаго дѣла — подрыва работы желѣзнодорожнаго транспорта. Троцкисты вели среди транспортныхъ рабочихъ агитацію за сокращеніе темпа поднятія тяжелой индустріи, противъ усиленія перевозокъ, подговаривали рабочихъ къ неподчиненію приказамъ по дорогѣ».

Законъ о методахъ раскулачиванія

Коллегія Наркомюста одобрила разработанный Верхсудомъ проектъ о методахъ раскулачиванія.

Въ районахъ сплошной коллективизаціи кулацкія хозяйства подлежатъ немедленной ликвидаціи. Средства производства, постройки, всякаго рода хозяйственныя предпріятія и т. д. передаются въ недѣлимый фондъ колхозовъ. Райисполкомы устанавливаютъ, кто изъ кулаковъ долженъ быть выселенъ за предѣлы района и кто изъ нихъ можетъ быть оставленъ въ предѣлахъ района и лишь переселенъ за границы колхоза.

Кулаки, подлежащіе переселенію изъ района, направляются въ мѣста, гдѣ наблюдается нехватка рабочей силы или имѣется незаселенная земля.

Въ районахъ, гдѣ коллективизація еще не проведена, кулацкимъ хозяйствамъ запрещается отчуждать, дарить, сдавать въ наемъ принадлежащія имъ предпріятія строенія, машины и т. д. Запрещается также раздѣлъ. Сдѣлки, заключенныя въ обходъ этого закона, признаются недѣйствительными, а у лицъ, ихъ совершившихъ, имущество конфискуется.

(«Кр. Газ.»).

...остальныя дѣйствующія лица, онъ тутъ же, на ходу, обратился къ очаровавшей его женщинѣ и предложилъ ей сразу, и безъ всякихъ обиняковъ:

...нимъ снять новобрачныхъ.

И еще есть люди, которые увѣряютъ, что на свѣтѣ нѣтъ настоящей любви!..

Донъ-Аминадо.

Изъ Россіи пишутъ

Корреспондентъ — старая крестьянка, живущая на хозяйствѣ съ дочерью. Другая дочь, которой адресовано письмо, находится внѣ Россіи.

«Твою сестру угнали на лѣсныя работы. Приказъ былъ собираться срочно. Одѣться толкомъ было не во что, какъ нужно для лѣса. Пошла въ калошахъ. Пошла и пропала. Осталась я одна, какъ перстъ... У насъ зачинается коллективизація. Все будетъ общее. Старая я, какая я колхозница. Скоро помирать. Зарѣзала обѣихъ коровокъ. Пусть, думаю, хоть передъ смертью поѣмъ мяса въ волю. Сама знаешь, какъ мы жили. Остальное пусть идетъ въ колхозъ, коли такъ надо... «А еще пиши, правда ли, что у васъ на рынкѣ все продается въ вольную?»

Пишутъ съ Кубани:

«Ликвидація кулака на селѣ въ полномъ разгарѣ. Вотъ какъ это дѣлается: собираютъ батраковъ и бѣдноту, т. е. кто не прочь поживиться за счетъ другого и выносятъ постановленіе о ликвидаціи кулака. Потомъ идутъ къ кулакамъ и предлагаютъ убираться на всѣ четыре стороны. Попросту выгоняютъ изъ хаты. Имущество забираютъ въ колхозъ... Что тутъ происходитъ, надо видѣть... Мѣстами старые и молодые берутся за вилы... Уходятъ въ горы. Говорятъ, есть цѣлыя станицы, что ушли въ горы...»

Вѣсти отовсюду

— Аманулла выѣхалъ изъ Рима въ Константинополь, откуда, по словамъ итальянскихъ газетъ, ѣдетъ въ Афганистанъ.

— Парламентскимъ лидеромъ вновь учрежденной въ Англіи объединенной имперской партіи будетъ лордъ Ллойдъ, бывшій верховный комиссаръ въ Египтѣ.

— 20 февраля состоятся парламентскіе выборы въ Японіи.

— Отъ аппендицита скончался въ Бѣлградѣ германскій посланникъ Кестеръ.

— Взорвался пороховой погребъ въ окрестностяхъ Аѳинъ. Есть много человѣческихъ жертвъ.

— 7 марта Чехословакія будетъ праздновать 80 лѣтіе Масарика. Въ парламентъ вносится предложеніе объ ассигнованіи 20 милліоновъ кр. въ распоряженіе президента на гуманитарныя и просвѣтительныя цѣли по его усмотрѣнію.

— Послѣ продолжительнаго совѣщанія, имперскій кабинетъ высказался противъ ассигнованія средствъ на сооруженіе новаго крейсера.

— Саксонскій Ландтагъ выразилъ недовѣріе кабинету. Въ большинствѣ голосовали правыя партіи, коммунисты и соціалисты.

— По свѣдѣніямъ лондонскихъ газетъ, можно ожидать, что всѣмъ арабамъ, приговореннымъ къ смертной казни за участіе въ рѣзнѣ евреевъ въ Палестинѣ, казнь будетъ замѣнена 15 лѣтнимъ заключеніемъ въ тюрьмѣ.

КАФЕ - РЕСТОРАНЪ
„ПРАДО“ 41, Av. Wagram, Tél.: Wagr. 04-10, 04-11.
Открыто съ 4 час. дня до 2 час. ночи. А. СКРЯБИНЪ со своимъ извѣстнымъ хоромъ

Церкви старины

Въ Петербургъ возвратилась комиссія Главнауки, обслѣдовавшая памятники Пскова въ связи съ превращеніемъ его въ городъ-заповѣдникъ. Нѣсколько наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ псковской старины выдѣлены въ высшую категорію. Всѣ памятники, появившіеся до 1613 года, отнесены къ первой категоріи. Во вторую вошли памятники, построенные въ періодъ отъ 1613 до 1725 года. Рядъ церквей города-заповѣдника будетъ использованъ для культурно-просвѣтительныхъ цѣлей.

(«Кр. Газ.»).

„Истоки дней“ *)

О «Жизни Арсеньева» много писали, больше говорили, но все — отрывка. Это понятно, ибо до сихъ поръ чита... видѣли передъ собой только отрывки ...о произведенія, отдѣленные другъ отъ ...а длительными промежутками време... достаточными для того, чтобы раз...ь воспринятое ощущеніе и усыпить раз...енную мысль: и безъ того эмиграція ...етъ «на ходу», трудно, а иногда и не...льно отойти отъ текущаго дня и ...ть надъ нимъ — вся жизнь въ отрыв...

...мъ дороже и значительнѣе становит..., что заставляетъ остановиться, сосре...читься, окунуться, если не въ «...воды», обновляющія силы, то въ какія ...иныя, чѣмъ «всѣ дни нашей жизни».

...Да, до сихъ поръ «выходъ въ свѣтъ» ...изни Арсеньева» былъ ритмиченъ съ ...енской жизнью. Стоитъ только вспо...ть, что печаталась она въ теченіе двухъ ...ъ. Теперь вышли отдѣльнымъ томомъ первыя четыре книги, съ особымъ подзаголовкомъ — «Истоки дней».

Что же, и это — отрывокъ, заставляющій ждать продолженія и требующій оговорки: «нельзя судить, пока мы не узнаемъ...»?

Формально и «Истоки дней» — лишь начала, завязь, дѣйствительно только «истокъ», мощный, бьющій изъ глубокой цѣлины, но по существу этотъ «истокъ» (въ своемъ замыслѣ и исполненіи) цѣльный, законченный, и даже больше, самодовлѣющій. Авторъ можетъ на немъ остановиться, и отъ этого «Истоки дней» не сдѣлаются отрывкомъ, а останутся тѣмъ, что они есть: художественно-крупнымъ, жизненно-изумительно полнокровнымъ, психологически-глубоко трагичнымъ, въ своемъ кругѣ завершеннымъ творчествомъ.

А гдѣ же тогда романъ? — спроситъ читатель.

Я склоненъ думать, что слово «романъ» не подходитъ не только къ «Истокамъ дней»; оно не подойдетъ и ко всей «Жизни Арсеньева», — во всякомъ случаѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это опредѣленіе употребляется въ школьномъ и повседневномъ обиходѣ.

«Истоки дней», несмотря на то, что это лишь начало — самостоятельны и самодовлѣющи и по формѣ, — по тому, «отрѣзку жизни героя», которые они охватываютъ, — и по содержанію, то есть по той проблемѣ, что въ нихъ вложена, но и образамъ, которые созданы на ихъ страницахъ.

По формѣ «Истоки» — дѣтство, отрочество и юность Арсеньева. Въ нихъ уже данъ центральный образъ, и отсутствіе продолженія не разрушитъ его, какъ не нарушитъ оно и цѣльности перспектива окружающаго его міра. Дойдя до конца четвертой книги, читатель не чувствуетъ себя на обрывѣ, дальше котораго нѣтъ пути. Напротивъ, именно здѣсь то и раскрывается путь *къ новой жизни*, для самого героя оторвавшейся отъ старой, ставшей «прошлымъ» не только внѣшне (разореніе и потеря имѣнія), но и внутренно, въ сознаніи, что въ мірѣ дѣтства, отрочества и юности самому Арсеньеву, если онъ хочетъ *жить*, мѣста нѣтъ, несмотря на его страстную любовь къ этому міру и на страстное желаніе, чтобы онъ продолжалъ существовать.

— И во всемъ была смерть, смерть, смѣшанная съ вѣчной, милой и безцѣльной жизнью.

Это — слова не только о похоронахъ сосѣда-помѣщика. Ихъ смыслъ шире. Онъ становится понятнѣе изъ словъ «новаго человѣка» Балавина:

— И ума не приложу, какъ вамъ быть дальше, — говорилъ онъ (Балавинъ) мнѣ. — Отцы ваши въ такихъ обстоятельствахъ на Кавказъ служить скакали, къ разнымъ иностраннымъ коллегіямъ пришпиливались, а вамъ куда скакать или пришпиливаться? Вы, вообще, я полагаю, служить не можете — не тѣ у васъ мечты. Вы, какъ говорится въ оракулахъ, слишкомъ въ даль простираетесь.

И самъ юноша смутно чувствуетъ, что жизнь кромѣ ея текучей повседневности, есть еще и «нѣчто такое, въ чемъ какъ будто и заключается нѣкая суть ея, нѣкій смыслъ и цѣль, что то главное, чего ужъ никакъ нельзя уловить и выразить, и — связанное съ нимъ вѣчное ожиданіе: ожиданіе не только счастья, какой то особенной полноты его, но еще и чего то такого, въ чемъ (когда настанетъ оно) эта суть, этотъ смыслъ, вдругъ, наконецъ, обнаружится, уловится. «Вы, какъ говорится въ оракулахъ, слишкомъ въ даль простираетесь...». И вправду: втайнѣ я весь простирался въ нее. Зачѣмъ? Можетъ быть, именно за этимъ уловленіемъ».

Вотъ это уловленіе «нѣкоего смысла и цѣли, чего то главнаго» и должно встать на мѣсто «милой и безцѣльной жизни».

— Да, больше нельзя такъ жить. Я не могъ бы, если бы даже имѣлъ десять незаложенныхъ Батуриныхъ.

Что послѣ этого будетъ, и будетъ ли что, это — другой вопросъ. Но то, что было, закончено и миновало. — Отошла цѣлая и цѣльная эпоха.

Цѣлостны «Истоки» и по своему существу. Это существо и заставляетъ сказать, что ихъ нельзя назвать романомъ.

Для поясненія мысли хочется войти въ область музыки. «Истоки дней», это — музыкальная поэма въ исполненіи большого оркестра подъ руководствомъ большого дирижера. Въ ней богатые лейтъ-мотивы не смѣняютъ одинъ другой, а постепенно входятъ другъ въ друга, сплетаются, вростаютъ въ сложности и многотонности, ширятъ звуковое море, не разрѣшаясь и не успокаивая, а все сильнѣе и сильнѣе напрягаясь сами и напрягая слушателя: на высшей точкѣ напряженія и, быть можетъ, на основномъ лейтъ-мотивѣ «Истоковъ», проходящемъ отъ начала до конца ихъ, — на космической, величайшей и для героя полной трагизма тайнѣ смертности всей земной жизни и кончается четвертая книга — четвертая пѣснь!

Итакъ, рѣшаюсь сказать, передъ читателемъ не романъ, а поэма, въ своемъ медленно-плавномъ развитіи, какъ будто, полная эпическаго покоя, но въ глубинѣ, въ своей стихійности, доходящая временами до ощущенія какого то безликаго рока, властвующаго надо всѣмъ — поэма, пронизанная трагичностью древне-греческаго міросозерцанія съ участіемъ библейскаго христіанства.

Но въ томъ то и дѣло, что нашъ міръ — не міръ древне-греческаго безликаго рока и не міръ библейскаго грознаго Судіи. Онъ — иной, «разрѣшенный отъ грѣха», указывающій путь преодолѣнія и дающій силы на него. Новая поэма И. А. Бунина этого противоборства двухъ старыхъ міровъ съ новымъ не рѣшаетъ; она лишь развертываетъ его и посылаетъ своего героя на борьбу.

Кому приходилось переплывать въ утлой лодкѣ большую рѣку въ водополье, тотъ знаетъ этотъ кажущійся верховой покой вышедшаго изъ береговъ, глубокаго, мощно-несущагося потока; тотъ знаетъ его неожиданные, какъ бы безпричинные, глухо-ворчащіе водовороты — гдѣ то внизу, въ глубинѣ ихъ родина: набѣжала донная струя на невидимое глазу препятствіе, бурно разбилась, снова встрѣтилась и отъ удара пошла смерчомъ кверху. Радостно и жутко пересѣкать потокъ, бороться и побороть: осилишь — самъ сильнѣе станешь; растеряешься, ослабѣешь — закрутитъ, унесетъ, погубитъ.

Какъ всякое большое произведеніе «Истоки дней» многоярусны: въ нихъ нѣсколько «плановъ».

Дана жизнь человѣка, растущаго въ переломную эпоху. Ему суждено войти въ «новое», совершенно непохожее на то «старое», въ которомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе жили всѣ его предшественники -

*) **Ив. Бунинъ.** — "Жизнь Арсеньева". "Истоки дней". Из-во "Соврем. Записки". Парижъ ...

Еще совсѣмъ недавно существовали у [illegible]ъ здѣсь, въ эмиграціи, одни только мо-ло[illegible] поэты. Молодыхъ прозаиковъ не бы-ло[illegible]ни, во всякомъ случаѣ, не проника-ли въ печать, а если одному-двумъ счастлив[illegible] это изрѣдка и удавалось, то такіе одиночки не давали еще возможности говорить о «смѣнѣ», о «юной поросли», короче, о новомъ поколѣніи беллетристовъ.

Теперь положеніе мѣняется. Молодые бе[illegible]исты появились — хотя ихъ еще и [illegible]. Ни для кого не тайна, что сей[illegible]ся наша зарубежная печать прямо [illegible] завидѣть новыхъ талантовъ, готова отнестись къ нимъ со всяческимъ вниманіемъ и съ радостью «предоставить имъ свои столбцы». Если бы, дѣйствительно, среди здѣшней молодежи были выдающіяся и замѣтныя беллетристическія дарованія, имъ пробиться сейчасъ было бы вовсе не трудно. Но «спросъ превышаетъ предложеніе». Не говоря уже о вещахъ выдающихся, вещей среднихъ присылается въ редакціи мало. Беллетристическая «поросль» у насъ очень скудная. Но все-таки она есть и... когда знаешь, въ какихъ условіяхъ огромное большинство здѣшней молодежи живетъ, не аллегорически, а дѣйствительно «въ потѣ лица» зарабатывая свой ежедневный хлѣбъ, да и не всегда зарабатывая его, — приходится удивляться и этому. Литературу, конечно, надо бы цѣнить и судить, не внося въ нее постороннихъ соображеній. Но за литературой есть человѣкъ. И сама жизнь, исторія, судьба, — не знаю, какъ сказать ясенѣ, — требуетъ сейчасъ литературнаго снисхожденія для этихъ, въ своемъ родѣ «беспризорныхъ дѣтей» Россіи. Очень легко указывать съ высокомѣріемъ: то-то неумѣло, то-то малограмотно. Но когда, откуда и взяться бы умѣнію съ грамотностью? Очень эффектно принять позу защитника «нашихъ славныхъ традицій». Но если традиціи дѣйствительно крѣпки, онѣ свое въ концѣ концовъ возьмутъ, безпокоиться за нихъ нечего. И неужели традиція есть величайшая цѣнность въ литературѣ? Надо же все-таки понять истину простую и жестокую, что безъ родины, безъ привычнаго, устоявшагося воздуха, привычной устоявшейся жизни, безъ положенной людямъ мѣры труда и отдыха, безъ какой-бы то ни было увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, — никакая «поросль» процвѣсти не можетъ. Если она не умираетъ, то и за это слава Богу.

Иногда это забываешь. И тогда судишь о книгѣ, выпущенной здѣшнимъ молодымъ авторомъ, какъ будто бы это была книга вообще «внѣ времени и пространства». Въ узко-литературномъ смыслѣ подобное сужденіе, можетъ быть, и правильно, но по существу оно все же глубоко ошибочно, и только какой - нибудь идолопоклонникъ, фетишистъ литературы способенъ это отрицать: для него, очевидно, литература важнѣе и выше жизни, а главное представляетъ нѣчто замкнутое отъ нея, наглухо отдѣленное. Достаточно, будто бы, возлѣлѣять свой уголъ, а остальное приложится. Но вѣдь можетъ оказаться, что въ неумѣломъ бормотаніи взыскательный «цѣнитель» не разслышитъ сейчасъ нѣсколько живыхъ словъ и, наоборотъ, благосклонно отзовется о тысячѣ словъ мертвыхъ только потому, что они гладки и не лишены нѣкотораго лоска.

Съ какими надеждами начинаетъ свою дѣятельность то издательство («Новые писатели»), которое рѣшило заняться исключительно молодыми беллетристами? Разсчитываетъ-ли оно просто на просто выпустить нѣсколько интересныхъ книгъ? Ищетъ-ли дѣйствительно «смѣну»? Думаетъ-ли вызвать изъ литературнаго небытія людей, которые писать могли бы и должны бы, но не пишутъ потому, что некогда, негдѣ, не до того. Все это, какъ говорится, «покажетъ будущее». Издательство имѣетъ, вѣроятно, какія-нибудь общія мысли и намѣренія, но пока ограничивается лишь скромнымъ заявленіемъ, что желало бы дать возможность «новымъ талантамъ выступить на судъ литературной критики и читателей».

Оно выпустило пока только двѣ книжки. Обѣ книжки не плохія, а главное — не пустыя. О «Мальчикахъ и дѣвочкахъ» писала не такъ давно Е. Д. Кускова. «Колесо», повѣсть В. Яновскаго — вещь совсѣмъ другого рода, въ документальномъ отношеніи менѣе интересная, но, пожалуй, внутренне болѣе содержательная. Небольшіе разсказы этого автора уже не разъ появлялись въ газетахъ. Они были полны недостатковъ, что и говорить: грубовато написаны, съ мелодраматическими подчеркиваніями, съ какимъ-то леонидо-андреевскимъ стремленіемъ непремѣнно, по любому поводу, взять тонъ скорбно - трагическій... Но сразу мнѣ показалось, что авторъ въ концѣ концовъ «допишется», станетъ настоящимъ писателемъ, хотя потрудиться и подумать ему до этого придется не мало. У него, во всякомъ случаѣ, есть надъ чѣмъ работать, что очищать и приводить въ порядокъ. «Колесо» это впечатлѣніе укрѣпляетъ. Повѣсть легче и свободнѣе, чѣмъ другія вещи Яновскаго, въ ней меньше напыщенности. Это именно повѣсть, а не теорема, въ которой авторъ прежде всего старается что-то доказать. Въ ней есть вниманіе къ жизни, а не только къ собственнымъ авторскимъ домысламъ о жизни. Люди въ ней настоящіе. Центральный образъ Санки, русскаго бездомнаго мальчика, попавшаго подъ «колесо революціи» и всячески изворачивающагося, чтобы подъ этимъ колесомъ не погибнуть, чуть-чуть сладокъ, но много мѣткаго есть и въ немъ. Нехорошо только пристрастіе Яновскаго къ литературнымъ «витаминамъ». Лучше совсѣмъ не умѣть писать, чѣмъ сообщать, что «встало солнце, и кто-то холодный дулъ большимъ ртомъ, разгоняя тучи». Но это со временемъ пройдетъ. И тогда въ писаніяхъ Яновскаго не только все будетъ интересовать, но и ничего не будетъ отталкивать.

Георгій Адамовичъ.

постей, принявшихъ христіанство только въ IX-X вв., средневѣковой художественной жизни какъ бы не существовало.

Между тѣмъ интереснѣйшіе памятники искусства и культуры Восточной Европы, находимые до настоящаго времени, указываютъ какъ на самостоятельное творчество различныхъ народностей, объединенныхъ общимъ терминомъ варваровъ,такъ и на разнообразныя вліянія, которымъ они подвергались со стороны Запада и Востока. Древности средневѣковья южной Россіи тѣсно связаны съ древностями скифо - сарматскими, подобно тому, какъ древности Зап. Европы съ греко - римскимъ міромъ.

Основываясь на древнихъ источникахъ и постоянно къ нимъ обращаясь, авторъ разсматриваетъ, какъ мѣняются нѣкоторыя художественныя формы, въ зависимости отъ времени, территоріи и народностей, являясь, однако, всегда наслѣдіемъ глубокой древности.

Уже въ «Русскихъ Древностяхъ» (изд. И. И. Толстого и Н. П. Кондакова) проскальзывала мысль о связи скифскихъ древностей не только съ греческими факторіями по берегамъ Чернаго моря, но и съ кочевниками Ср. Азіи, Алтая, и Зап. Сибири. Теперь, благодаря различнымъ изслѣдованіямъ въ этой области и особенно трудамъ акад. М. И. Ростовцева, Minns'a и др. совершенно выяснилось огромное вліяніе, которое имѣло дальневосточное искусство на азіатскаго кочевника. Древности восточныхъ кочевниковъ и южной Россіи совмѣстили въ своихъ формахъ всю силу вѣкового уклада жизни, незыблемость исконнаго міровоззрѣнія.

Конечно, мастера кочевниковъ находили формы, подходящія къ его быту, образу мыслей и чувствъ и въ греческомъ и особенно малоазійскомъ искусствѣ, игравшемъ для нихъ роль высшаго художественнаго об

и установленіямъ? Его непониманіе того, что всѣ понимали? Онъ игралъ, ослѣпленный игрой, не видя необходимости законовъ, религіи, власти, войнъ, собственности, брака, прогресса. Онъ всегда нападалъ, но защищался слабо. Онъ проигралъ, и вмѣстѣ съ его проигрышемъ проиграна была Россія".

Въ сущности, — невозмутимо продолжаетъ Л. Л., — писателемъ Толстой сталъ случайно. Это произошло потому, что Толстой не закончилъ своего образованія и былъ достаточно обезпеченъ, чтобы ничего не дѣлать. "Иначе онъ, можетъ быть, избралъ бы политическую карьеру, и, несомнѣнно, вмѣсто писателя, мы имѣли бы оригинальнаго и замѣчательнаго государственнаго дѣятеля".

Л. Л. съ крайнимъ неудовольствіемъ вспоминаетъ, что Толстой возмущался дѣйствіями правительства Столыпина, не видя "необходимости его реформъ". Толстой вообще былъ упрямый старикъ, ничего не хотѣвшій понять изъ того, что такъ ясно понимаетъ его сынъ. Подумайте, онъ даже не одобрялъ его статей въ "Новомъ Времени"!

Разсужденія длинныя, всего, что въ нихъ есть, не разскажешь. И подписаны они — гр. Левъ Толстой. Все понимаетъ Левъ Львовичъ, — не понялъ онъ только того, что хотя онъ дѣйствительно и графъ, и Левъ, и Толстой, — все - таки подписывать свои литературныя упражненія ему надо бы иначе. Хоть бы прибавилъ онъ "фисъ".

***

Анри Барбюссъ разсказываетъ въ "Мондѣ" анекдотъ, кстати сказать, довольно старый.

которые побывали въ совѣтской Россіи и обнародовали затѣмъ свои впечатлѣнія. Они не замѣтили главнаго въ Россіи. Они увидѣли одни лишь недостатки.

Они не обратили никакого вниманія на ростъ экономической мощи, на успѣхъ пятилѣтки, на "всеобщій пламенный, безпримѣрный энтузіазмъ".

Какъ на бѣду, имъ, очевидно, все время попадались навстрѣчу исключительно рыжія женщины.

***

Одинъ изъ пріятелей и собутыльниковъ послѣднихъ лѣтъ Верлена разсказываетъ, что поэту почему то очень хотѣлось встрѣтиться съ Ибсеномъ.

Ибсеновскихъ произведеній Верленъ, конечно, не читалъ. Но много объ Ибсенѣ слышалъ и интересовался имъ.

Ибсенъ тоже зналъ о Верленѣ. Есть основаніе думать,что онъ хотѣлъ изобразить его въ одной изъ своихъ драмъ. Во всякомъ случаѣ онъ собирался пріѣхать въ Парижъ и повидаться съ поэтомъ.

Встрѣча, однако, не состоялась. И, въ сущности, встрѣчаться Ибсену съ Верленомъ не стоило, такъ какъ бесѣдовать они не могли бы: Ибсенъ не говорилъ по французски, Верленъ не зналъ ни норвежскаго языка, ни даже нѣмецкаго.

Когда Верлену объ этомъ сказали, онъ задумался и затѣмъ хитро улыбнулся:

— Ничего... Ибсенъ, кстати, тоже не прочь выпить. Мы другъ друга отлично поняли бы.

Сизифъ.

Хроника иностранной литературы

— Отмѣтимъ въ послѣднихъ книжкахъ французскихъ журналовъ: въ **"Ревю де дэ Мондъ"** — "Фесъ или буржуа ислама" бр. Торо; "Пьеръ Лоти" Луи Барту; въ **"Ревю де Пари"** **"Французское общество въ началѣ XX вѣка"** **Абель Эрмана**; "Клемансо и Пуанкарэ" Жоржа Сюареза.

— Издательство "Плонъ" выпускаетъ подъ **редакціей** акад. Габріэля Анотo и А. Мартино большую **"Исторію французскихъ колоній и мірового распространенія Франціи"**. Объявлено также о выходѣ серіи книгъ "Бѣлыя колоніи".

— Въ біографической серіи изд-ва "Плонъ" вышло **"Вдохновенная жизнь Эмерсона"**, Режи Мишо; въ серіи біографій "Нувель Ревю Франсэзъ" появилась **"Жизнь Бакунина"** Елены Извольской.

— Вышелъ 7-й выпускъ **"Большихъ историческихъ процессовъ"** Анри Робера. Онъ посвященъ 9 Термидора, Баррасу, Полинѣ Бонапартъ и друг.

— Вскорѣ выйдетъ книга воспоминаній извѣстной поэтессы **графини Де Ноай.**

— Появился сборникъ стиховъ Жюля Сюпервьеля **"Невинный каторжникъ".**

— Вышла книга Анри Люлэ **"Премьеры Виктора Гюго"** — разсказы о первыхъ представленіяхъ пьесъ знаменитаго поэта.

— Появилась книга Андрэ Гардъ **"Разоруженіе передъ Лигой Націй"**. Книга снабжена предисловіемъ Анри де Жувенэля.

— Переводъ автобіографіи Троцкаго **"Моя жизнь"** на французскомъ языкѣ выйдетъ въ 3-хъ томахъ, въ издательствѣ Ридера.

— Вскорѣ выйдетъ книга Жака Шевалье "Лѣсъ".Она составляетъ выпускъ серіи книгъ о природѣ, выпускаемыхъ издательствомъ Стокъ.

— Вышелъ переводъ книги Гаэтано Сальвемини **"Фашистскій терроръ".**

— Новая книга Эмиля Людвига **"Линкольнъ"**, только что появившаяся, имѣетъ большой успѣхъ у нѣмецкихъ читателей. Она иллюстрирована снимками со старинныхъ фотографій.

— Въ Нью - Іоркѣ объявлено о выходѣ **полнаго собранія соч. Марка Твена. Оно займетъ 37 томовъ** и будетъ заключать переписку Твена, частично до сихъ поръ неизвѣстную, его рѣчи и автобіографію.

— Нѣмецкій писатель Людвигъ Реннъ, авторъ популярной книги "Война",выпускаетъ новый романъ "Послѣ войны".

„Кочевье"

Сегодня, въ 9 ч. веч. на бульв. С. Жерменъ ном. 184, состоится бесѣда, посвященная недавно вышедшей книгѣ стихотвореній Семена Луцкаго "Служеніе". Вступительное слово скажетъ Вадимъ Андреевъ. Послѣ доклада и чтенія стиховъ авторомъ — пренія, въ которыхъ примутъ участіе **А. Ладинскій, Б. Поплавскій, М. Слонимъ, Б. Сосинскій и друг.**

раильтянами подъ предводительствомъ Іисуса Навина.

Панаитъ Истрати и большевики

Извѣстное юмористическое **стихотвореніе** Д. Аминго — изъ сборника **«Тамбовской ассоціаціи писателей»** — посвященное Панаиту Истрати.

Горе великое намъ,
Коммунистической рати.
Переметнулся къ врагамъ
Самъ Панаитъ свѣтъ - Истрати.
Какъ же теперь безъ него,
Какъ же теперь безъ румына.
Ну, проживемъ, ничего,
Мы и безъ ..... сына.

Бесѣды по русской культурѣ

Въ субботу **22 февраля** въ 8 час. 30 мин. вечера въ залѣ Гаво 45-47, рю де **ла Боэси** состоится «Бесѣда» Народнаго **Университета** на тему: «**На волжскихъ берегахъ»** (отъ Нижняго до Астрахани). **Докладчикомъ** выступитъ **Д. М. Одинецъ.**

Докладъ будетъ сопровождаться **многочисленными** снимками проэкціоннаго **фонаря.**

Во второмъ, музыкальномъ **отдѣленіи** г-жа М. Г. Россолато-Бей, г.г. **А. И. Игнатовъ** и А. Ф. Швайковскій **исполнятъ** русскіе романсы.

Билеты продаются **по 5 и 4 фр. въ Народномъ** Университетѣ 163, рю де **Севръ** и въ кн. магазинѣ Арбузова 22, рю д-**Анжу.**

Книги для отзыва

Въ ред. "Посл. Нов." поступили слѣд. книги для отзыва.

Вл. Ладыженскій, За рубежомъ. Разсказы. Изд. "Русск. Библіот.", Бѣлградъ. 1930.

Александръ Амфитеатровъ. Русскій **попъ** 17 вѣка. Этюды. Изд. "Русскій Библіот.". **Бѣлградъ.** 1930.

К. Д. Бальмонтъ. Въ раздвинутой дали. **Поэма** о Россіи. Изд. "Русскій Библіот.". **Бѣлградъ.** 1930.

Горцы Кавказа ном. 12. Парижъ. 1930.

Галина Кузнецова, Утро, Парижъ. **Изд. "Соврем.** Записки". 1930.

Ал. Холчевъ, Смертный плѣнъ. **Изд. "Родникъ".** Парижъ.

Евгеній Шахъ, **Городская весна. Парижъ**, 1930 г.

Получено для отзыва отъ книжнаго магазина и издательства Я.Поволоцкій и Ко въ Парижѣ

А. Е. Бадаевъ, "Большевики въ государственной думѣ". Изд. "Прибой". **Москва 1929.**

П. Ивановская. "Въ боевой организаціи". Москва. 1929 г.

А. Островскій, "Молодой Толстой", **Москва.** 1929 г.

предки. Старое умерло и не оживетъ. Передъ молодымъ Арсеньевымъ два пути: или «по оракулу» начать «простираться въ даль», самому быть творцомъ своей жизни; или же погибнуть въ этой умирающей «вѣчной, милой и безцѣльной жизни», какъ на его глазахъ гибнутъ остатки отошедшаго.

Дана и жизнь этихъ остатковъ — въ поразительныхъ, по своей вѣрности и художественности образахъ. Остатки все еще не хотятъ быть остатками, но они и не «простираются въ даль». Они срослись съ прошлымъ и могутъ жить только въ немъ: они обманываютъ и себя и другихъ, стараясь не видѣть приближающагося конца. А когда и видятъ, то умѣютъ только жаловаться и каяться, все еще на что то надѣясь и не понимая главнаго — что всѣ они приговоренные, потому что осла-бѣли, растерялись; потому что могучій потокъ русскаго половодья давно ихъ закружилъ и унесъ. Вотъ - вотъ лодка опрокинется на «случайномъ» водоворотѣ. По наслѣдственности, традиціямъ, воспитанію, обстановкѣ и по всему «душевному складу» молодой Арсеньевъ весь въ этомъ прошломъ, на унесенной и гибнущей лодкѣ. Но онъ молодъ, здоровъ, горячъ и съ «поровомъ жизни», которую онъ любитъ до страсти — и разумомъ и сердцемъ и инстинктомъ, — всѣмъ своимъ существомъ. Этотъ «поровъ жизни» заставитъ его броситься съ обреченной лодки въ стихійную пучину потока; бросить все и всѣхъ, столь любимыхъ. Въ какую то рѣшающую минуту оказаться «черствымъ эгоистомъ», а на самомъ дѣлѣ — новымъ творческимъ человѣкомъ. Этотъ же «поровъ жизни» дастъ ему и силы пересѣчь вешній потокъ и выплыть на новый, ему неизвѣстный, берегъ.

Намѣчены штрихами и часть новаго берега, еще неясными, для юноши даже тревожными, противъ которыхъ онъ протестуетъ, съ которыми не хочетъ мириться, въ свою очередь еще не сознавая того, что онъ - то — хочетъ того или не хочетъ, (а инстинктивно онъ хочетъ, такъ какъ хочетъ жить, а не умереть) — принадлежитъ уже къ «новому», и что только «въ новомъ» «эта суть, этотъ смыслъ (жизни — И. Д.), вдругъ наконецъ обнаружится, уловится».

Въ этихъ трехъ планахъ дана переходная эпоха, данъ окончательный сломъ быта, и какъ всякій переходъ, всякій сломъ, даны они для всѣхъ любящихъ старое въ своемъ безжалостномъ, безликомъ трагизмѣ — въ побѣдѣ смерти надъ *ихъ* жизнью, въ гибели всего традиціоннаго, освященнаго вѣками, дорогого, для *нихъ* незамѣнимаго.

Но не здѣсь центръ поэмы, созданной И. А. Бунинымъ. Эпоха и бытъ — отрѣзки времени — лишь «присказка». «Сказка — впереди». Это — фонъ, художественное обрамленіе. Глубина «Истоковъ» въ томъ, что въ нихъ съ первой же страницы и до конца идетъ страшная борьба со смертью за вѣчно умирающую жизнь.

Что такое вселенная? Прекрасное, совершенное созданіе Творца — полный вѣчной жизни и красоты Космосъ? Или это — хаосъ, гдѣ властвуютъ злыя силы смерти, гдѣ на вѣчность имѣютъ право лишь «всему живому безконечно чуждыя Альпы, утерянныя могилы и оскаленные черепа?

«Истоки» и кончаются описаніемъ смерти и погребальной службы! — здѣсь ихъ заключительный аккордъ!

— Какъ все это уже привычно теперь, — это негромкое, стройное пѣніе, мѣрное кадильное звяканье, скорбно - покорные, горестно - умилительные возгласы и моленія, уже милліоны разъ звучавшіе на землѣ. Только имена мѣняются въ этихъ моленіяхъ, и для каждаго имени настанетъ въ нѣкій срокъ свой чередъ... Мертвый ликъ, уже обращенный къ чему - то намъ недоступному, все еще выразителенъ, но уже покоенъ и тихъ... Когда мы выходимъ, уже вечеръ. Солнце только что сѣло, сзади, за черными пальмами, темно - розовое зарево. А впереди, вдали, огромная картина этихъ вѣчныхъ средиземныхъ береговъ. Въ глубинѣ ея, въ смутномъ и холодномъ, розово - синемъ восточномъ небѣ надо всѣмъ мертвенно царятъ снѣжные хребты Верхнихъ Альпъ, уже гаснущіе, сумрачно - малиновые, всему живому безконечно чуждые, уходящіе въ свою дикую зимнюю ночь, снизу уже до половины потонувшіе въ сизой густой мглѣ. Сурово, холодно посинѣло море подъ ними... Ночью на моей горѣ все гудитъ, ревётъ, бушуетъ отъ мистраля... Стремительно несется мистраль, вѣтви пальмъ бурно шумя и мѣшаясь, тоже точно несутся куда то... Я встаю и съ трудомъ открываю дверь на балконъ. Въ лицо мнѣ рѣзко бьетъ холодомъ, надъ головой развернулся черно - вороное, въ бѣлыхъ, синихъ и красныхъ звѣздахъ, небо. Все несется куда то впередъ, впередъ... Я кладу на себя медленное крестное знаменіе, глядя на все то грозное, траурное, что пылаетъ надо мной.

Здѣсь вся трагедія «смертной земли» — или преодолѣть смерть, найти прорывъ въ вѣчное, неумирающее; или же, дѣйствительно, остановиться въ безвыходномъ недоумѣніи передъ «чѣмъ то намъ недоступнымъ» и смириться передъ тѣмъ, что на землѣ, въ жизни, пусть «надо всѣмъ мертвенно царятъ снѣжные хребты Верхнихъ Альпъ, уже гаснущіе, сумрачно малиновые, всему живому безконечно чуждые, уходящіе въ свою дикую зимнюю ночь...».

Неразрѣшенный трагизмъ «Истоковъ дней» заключается въ антиноміи страстной любви къ безумно - ликующей жизни и страшной тайны царствующей и какъ бы всепобѣждающей смерти:

— И все была смерть, смерть, смѣшанная съ вѣчной милой и безцѣльной жизнью...

Не только милой и безцѣльной, но и «страшной, непостижимой».

— Странна, непостижима жизнь. «Пути Мои выше путей вашихъ и мысли Мои выше мыслей вашихъ...

Въ первой же книгѣ есть и еще строчки о «странности и непостижимости жизни».

— Когда и какъ пріобрѣлъ я вѣру въ Бога, понятіе о Немъ, ощущеніе Его? Думаю, что вмѣстѣ съ понятіемъ о смерти. Смерть, увы, была какъ то соединена съ Нимъ (и съ лампадкой, съ черными иконами въ серебряныхъ и вызолоченныхъ ризахъ въ спальной матери). Соединено съ Нимъ было, конечно, и безсмертіе.

Несмотря на предположительность «думаю» въ словахъ о смерти и на твердое, «конечно» въ мысли о безсмертіи, вся тяжесть высказаннаго лежитъ въ томъ, что «смерть, увы, была какъ то соединена съ Нимъ».

Это — Богъ страданія и смерти, а не радости и жизни.

Иванъ Карамазовъ не отрицаетъ Бога. Онъ лишь «не пріемлетъ міра, созданнаго Богомъ», отказывается отъ будущей всеобщей гармоніи, основанной на любви и всепрощеніи. Онъ «почтительнѣйше возвращаетъ билетъ «Творцу, выданный ему на жизнь въ отрицаемомъ имъ міру. Иванъ ощущаетъ міръ, какъ хаосъ, гдѣ «одинъ гадъ ѣстъ другую гадину», и неизбѣжно самъ погибаетъ въ созданномъ не Богомъ, а имъ самимъ хаосѣ.

Алеша Арсеньевъ не только пріемлетъ міръ, но всей душой любитъ его, зачарованъ его красотой и богатствомъ. Свой «билетъ на жизнь» онъ судорожно зажалъ въ рукѣ и страшится лишь одного, что наступитъ минута, когда съ него этотъ билетъ потребуютъ назадъ, ибо «Богъ, увы, соединенъ со смертью».

Но если все таки, въ концѣ всего, неизбѣжна смерть, то зачѣмъ же красота и богатство міра? Гдѣ же божественная гармонія творенія? Не хаосъ ли кругомъ?

Иванъ Карамазовъ рѣшилъ «жизненную задачу» — «одинъ гадъ ѣстъ дру[illegible]дину». Алеша Арсеньевъ лишь п[illegible] къ ней. Какъ рѣшитъ онъ ее?

Остановится Алеша Арсеньевъ на противорѣчіи, на которомъ стоитъ он[illegible] «Истокахъ» — на пронзительной любви къ жизни и на столь же пронзительномъ отрицаніи смерти, или онъ найдетъ выходъ изъ своей трагедіи, — это уже вопросъ «новаго берега», оторваннаго отъ «Истоковъ дней» и въ нихъ не укладывающагося.

И. Демидетъ.